

Литературная гостиная

Гусейнов Абдул Анбиевич (Абдул Гусейн Анбия оглы) родился 27 октября 1925 года в Баку. Участник Великой Отечественной войны, ученый-востоковед, писатель, публицист.

Автор семь монографий, свыше 30 исторических повестей и романов, в числе которых «Арзамасская дева», «Бросок на Юг» (на азербайджанском языке), «Землепашец на троне», «Мы родом из Баку», «Салах ад-Дин» (в двух книгах), «Сокровище Мустафы-хана» (на азербайджанском языке), «Пилигрим из Ширвана», «Ходжалинская трагедия», «Эхо войны».

Выступил в роли сценариста семь художественных фильмов, в том числе «Звезда России» (1976), «Феерия на Манеже» (1980), «Праздник танца» (1982), снятых на Мосфильме. Увидело свет более 500 публикаций по социально-экономическим проблемам и культуре, множество рецензий на киноленты.

Абдул Гусейнов выступал с лекциями в Израиле, Иране, Канаде, Монголии, Туркмении и Турции, был преподавателем в МГУ и Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС.

Работы Абдула Анбиевича переведены на английский, испанский, немецкий, французский и другие языки, издавались в арабских странах, Болгарии, Германии, Иране,

Монголии, Туркмении и Турции.

Награжден орденом Славы III степени, Отечественной войны I степени, 16 медалями. Является почетным гражданином Амираджана (родины писателя), членом Союза писателей Азербайджана, а также членом центрального совета Всероссийского Азербайджанского Конгресса и Федерального совета Федеральной национальной культуры автономии азербайджанцев России.

Накануне своего предстоящего юбилея Абдул Анбиевич поделился с редакцией «АК» своими рассказами, пронизанными ностальгическим настроением, – сегодня мы предлагаем их вашему вниманию.

Кроме того, в портфеле редакции находится рукопись воспоминаний о былом человека, который героически сражался в годы Великой Отечественной войны, трудился в трудные послевоенные годы, нашел свое призвание в художественном творчестве, кинематографическом производстве, завоевал высокий авторитет среди коллег и соотечественников.

Особое место в творчестве А.Гусейнова занимает его книга «Азербайджанцы в истории России», опубликованная в Москве в 2006 году, – настоящее собрание известных деятелей Азербайджана в России.

Жил-был на свете Мамед Риза оглы. У него было жилище – дом из двух маленьких комнат с удобствами во дворе. Газ, вода и электричество – все как в цивилизованном обществе. Вот только воду давали лишь утром и вечером, а газ и электричество отключали несколько раз в день в целях экономии для всенародного блага. Если бы не эти досадные «мелочи», его жильё можно было бы назвать жемчужиной комфорта. Досталась эта «жемчужина» Мамеду в наследство от отца-азербайджанца и матери-армянки и находилась на окраине Баку – в Биби-Эйбате.

Всю жизнь Мамед стремился к спокойной и благополучной жизни.

Окончив кулинарное училище, поступил работать поваром на сухогруз. Его с детства манило море. У берега, где он жил, навечно бросили якорь отслужившие свой срок ржавые катера, сухогрузы и танкеры. Шелестели волны седого Хазара, и громко кри-

Нашу собаку, жизнерадостную и добрую дворняжку, мы называли точно так же, как и героиню чеховской повести, – Каштанка. Родители подобрали, беспомощного щенка зимой. Приютили обогрели. Собака отплатила всем нам горячей любовью и преданностью.

Но меня Каштанка выделяла особо, ходила за мной буквально по пятам. Играю с соседскими мальчишками в

чали неугомонные чайки, морская романтика вдохновляла Мамеда, он плавал в Астрахань, Махачкалу, Красноводск, а через несколько лет его стали выпускать и за границу, в иранский порт Энзели.

Пришло время, и Мамед женился на прибалтийской немке Ирме (так в народе называли латышей и литовцев). Он очень часто бывал в плавании, а жена оставалась на берегу одна-одинешенька. Однажды Мамед вернулся из очередного рейса, а Ирмы

нет. Когда любопытные соседи поинтересовались, куда исчезла его жена, Мамед им ответил, что она во Франции получила наследство от умершей тети и поехала вступать в права. Не мог же он сказать, что Ирма просто сбежала. Соседи больше Мамеда не тревожили расспросами, на них произвели сильное впечатление слова: «Поехала вступать в права». Пришлось Мамеду жениться второй раз, его новой избранницей стала татка из Сураханов – Польназ. Вскоре она ро-

дила сына, время стремительно пролетело, сын окончил школу. Сам Мамед продолжал варить морякам кюфту и осетрину, жена работала швеей на фабрике. Так они накопили немного денег для поступления сына в институт.

Настал день, когда сын пошел сдавать документы в нефтяной институт. Профессор, председатель приемной комиссии, бегло пролистывал его документы, покажал парнишке все пальцы обеих рук и сказал:

футбол – она сидит неподалеку и наблюдает, иду за покупками в магазин – бежит за мной трусой. Ежедневно провожала и встречала меня из школы.

История, которую я хочу рассказать, произошла в январе 1943 года. Каштанке было уже за 10 лет. Для собаки это весьма преклонные годы: она уже плохо видела, ходила с трудом. Но старую привычку сопровождать меня повсюду сохраняла, хотя это ей доставляло в связи с возрастом много неудобств.

До войны жили, как и большинство советских людей в то время, небогато. Однако Каштанка всегда была сыта, она была неприспособлена в еде и даже от хлеба не отка-

Каштанка

зывалась. С началом войны была введена карточная система, свободно можно было купить только хлеб (потом и хлеб отоваривали по карточкам). Разумеется, на знаменитых бакинских базарах можно было купить все, но нам это было не по карману. Старой Каштанке пришлось тяжело: рацион ее изрядно сократился. Она жила впроголодь, ела в основном хлеб и мамалыгу (я делился с ней своим пайком), крайне редко ей перепал кусочек мяса или какая-нибудь кость, скорее с запахом мяса, чем с мясными остатками.

В тот переломный в Великой Отечественной войне 1943 год я ушел добровольцем в военное училище – мне тогда исполнилось только семнадцать лет. До отъезда в училище приходилось часто ходить в военный комиссариат, и верная Каштанка всегда сопровождала меня, хотя дорога была длиною в пять километров.

Военкомат находился рядом со станцией «Дворец культуры» Бакинской электрической железной дороги (кстати, первой электрифицированной железной дороги в Советском Союзе), что между Амираджанами и Сураханями

Михаил, Мойше, Майкл

— Приходи через десять дней!

Сын Мамеда Керим был смысленным пареньком, показал профессору три пальца и спросил:

— А нельзя прийти через три дня?

Профессор рассердился и крикнул:

— Нахал, сын нахала, как ты смеешь мне перечить? — потом задумался, показал парню семь пальцев и объявил:

— Ну хорошо, приходи через семь дней и ни днем меньше.

Огорченный Керим пришел домой и сообщил родителям, что документы у него не приняли, потребовали семь тысяч рублей. Таких денег у Мамеда с женой не было, но от решения дать сыну высшее образование они не отказались. Продали свою

«жемчужину» у моря и переехали в Подмосковье. Купили в поселке Клязьма на берегу одноименной реки такую же хибару. Мамед Риза оглы в России стал Михаилом Ризаевым и поступил работать поваром в столовую на местном химическом заводе, а жена — уборщицей на суконную фабрику. Их сын также устроился на химическом заводе рабочим и поступил на вечерний факультет нефтяного института, а через два года перевелся на дневной.

Вначале соседи в Клязьме Михаила уважали, поскольку он иногда давал мужикам деньги на водку. Но пришел к власти в СССР Горбачев, началась антиалкогольная кампания, и Михаил уже не мог угощать со-

седей водкой. Недовольные антиалкогольной кампанией мужики вымещали злость на семье Ризаева — о спокойствии и благополучии пришлось забыть.

К тому же сын окончил институт, но работу по специальности найти не мог. И глава семейства снова стал думать об отъезде. Но куда? Как?

По совету добрых людей сына в срочном порядке женили на еврейке. Гюльназ была таткой, а в начале 80-х годов XX века многие таты Азербайджана, чтобы выехать в Израиль, в одночасье сделались евреями. Так же поступила и Гюльназ.

Прибыв в Израиль, Мамед Риза оглы стал Мойшей Ризенбаумом. На Земле обетованной получили пособие на

устройство, сели на «велфэр». Но покоя они не нашли: чуть ли не каждый день арабские повстанцы то стреляли, то что-нибудь взрывали. Да и работу новым эмигрантам найти было невозможно — приезжих много, а рабочих мест мало, цены высокие, денег не хватало. Промучился он так годик, и вновь решил уехать куда-нибудь. После долгих раздумий решил ехать за океан. Сын хорошо владел английским языком. И семья отбыла в Канаду.

Мамед Риза оглы переплотился в очередной (и, как он надеялся, в последний) раз — стал Майклом Ризом. Канада оказалась для него и семьи гостеприимной страной. Сын и невестка устроились на работу, он и Гюльназ воспитывают внука. Пришли наконец в семью спокойствие и благополучие. Иногда он вспоминает, как дурной сон, свою «жемчужину» с удобствами во дворе Баку.. вечно пьяных соседей в поселке Клязьма в Подмосковье и тревожные ожидания очередных терактов в Израиле. Но случается это редко: что было, то быльем поросло.

■ Абдул ГУСЕЙНОВ

Джейранка

Это было в середине 50-х годов XX века в Туркмении. В те годы я жил там с семьей. Однажды весной на колхозном рынке города Мары я задешево приобрел у охотников совсем маленькую дику козочку (язык не поворачивается назвать ее козой). Ее родителей пристрелили на мясо. Такое случалось часто, хотя охота на джейранов официально была запрещена.

Козочку я привез домой. Она дрожала, ее настороженные грустные глаза пристально следили за всеми нашими движениями. Мы решили назвать ее Джейранкой.

«Джейранка, Джейранка», — ласково заговорила моя пятилетняя дочь, посадив ее на диван рядом с собой и начала гладить по голове, шее и спине.

И Джейранка прониклась доверием к ребенку, положила голову на колени дочери и уснула. Она ведь тоже была ребенком. Так Джейранка спала почти целых полчаса, пока жена не принесла ей молока.

Мы налили в тарелку молоко, и Джейранка стала пить его с удовольствием, причмокивая и оглядываясь по сторонам. Но, по-видимому, не привыкшая к такой форме приема пищи, она разбрызгивала молоко вокруг тарелки по полу. Тогда мы налили молоко в бутылку, а у соседей достали соску. Джейранка с молниеносной быстротой оприходовала содержимое пол-литровой бутылки и «попросила» добавки.

После обеда Джейранка повеселела, стала бегать за дочерью, просилась на руки. Так завязалась дружба козочки с моей дочерью Викторией. Вскоре поиграть с Джейранкой стали приходиться соседские дети, принося с собой траву, фрукты и овощи. Особенно любила она яблоки.

Джейранке нравилось, когда дети бегали за ней по двору, часто забиралась на крышу сарая, как бы давая понять ребятам: «Вот я какая ловкая, а вы так не сможете». Порой она шуточно бодала какого-нибудь малыша. Но делала это очень осторожно, не причиняя боли. Словом, стала настоящей любимицей окрестной детворы.

Время шло. Джейранка выросла. К концу лета она стала ростом выше наших домашних коз. Мы стали запирали ее на ночь в сарай. Она жалобно блеяла всю ночь напролет и просилась в дом. Дольше держать ее при себе мы не могли. К тому же я со своей семьей готовился выехать в Москву..

День расставания был не только грустным, но, можно сказать, трагичным. Джейранка с самого утра почувствовала неладное. Отказывалась от еды, неотступно ходила за Викторией, жалобно блеяла. Когда работники парка пришли за ней, она не хотела идти. Оглядывалась на нашу семью, не переставая жалобно блеять. Слезы отчаяния текли из ее глаз. Плакали дочь и жена, еле сдерживал слезы я.

С тех пор прошло много десятилетий, но мы до сих пор не можем забыть ту трагическую ситуацию: снова и снова мы видим полные горечи глаза Джейранки, слышим ее жалобные блеяния. Она нам так верила. Прости нас, Джейранка! Мы взяли тебя ради своей забавы, но не подумали о твоей душе, более ранимой и доверчивой, чем наши.

■ Абдул ГУСЕЙНОВ

из Амираджанов

на Апшероне. Обыкновенная, ничем не примечательная станция запомнилась мне потому, что именно отсюда я вместе с другими молодыми парнями, почти мальчишками, уехал в военное училище.

В день моего отъезда родители проводили меня к военному комиссариату, где собрались все отбывающие. Преданная Каштанка тоже провожала меня, не догадываясь, конечно, что видит меня в последний раз. Из военкомата новобранцы отправлялись на станцию «Дворец культуры». Я бросил последний взгляд на родителей.

Посмотрел на Каштанку. Она сидела уставшая, печальная. «Прощай, Каштанка!» — прошептал я про себя, зная, что больше уже никогда не увижу свою верную подружку... Я затерялся среди других парней. Собака не заметила моего отъезда на электричке.

...Спустя несколько лет я узнал о трагической судьбе собаки. Как я понимаю, Каштанка хорошо запомнила, что в последний раз проводила меня к военкомату. Я был потрясен, узнав, что в течение трех недель (!) Каштанка каждый день с утра отправлялась в неблиз-

кий путь к военному комиссариату в надежде встретить меня там. Терпеливо часами просиживала у входа. Ее уже заметили офицеры военного комиссариата. Мне говорили, что даже сам военком — пожилой человек, служивший еще в царской армии, стал подкармливать Каштанку. Не дождав меня, к вечеру она возвращалась домой. Бедная собака ходила бы туда и дальше, но ей не повезло. Однажды ее задавила автомашина. Не известно, как это случилось. То ли Каштанка из-за своей старческой подслеповатости не за-

метила автомобиля, то ли шофер грузовика не смог избежать наезда. То ли это был жестокий человек и ему было наплевать на старую собаку. Бывают такие люди. Не все же любят животных.

В моей памяти Каштанка осталась навсегда. Прошло 65 лет, но я до сих пор вспоминаю ее и малым пушистым щенком, и в расцвете ее собачьих лет, и уже старую, но по-прежнему ласковую и верную.

Прости меня, Каштанка, не уберечь тебя! Ведь была страшная война...

■ Абдул ГУСЕЙНОВ